

ВОССТАНИЕ В АРАБСКОМ МИРЕ: ПОСЕВЫ И ВСХОДЫ

ПРОТЕСТНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В АРАБСКИХ СТРАНАХ: FITNAH

Е.И. ЗЕЛЕНЕВ

Доктор исторических наук
НИУ ВШЭ-СПб

Ключевые слова: фитна, *fitnah*, «арабская весна», джихад, Саудовская Аравия, Сирия, халифат, меньшинство, большинство

Методологически меньшинства не бывает без большинства, и, наоборот, обнаружение большинства неизбежно сопровождается выявлением меньшинства. Практически во всех арабских странах, подверженных кризисным процессам 2011-2012 гг. и позднее, конфликт по линии раздела «меньшинство» - «большинство» определяет общий политический ландшафт. Этот тип конфликта проявляется в рамках кризиса политической идентичности, толкая личность к союзу с той или иной политической силой, в т.ч. и не доминирующей. Этот же тип конфликта раскалывает общество по границам религиозных, этнических, социальных, культурных и иных групп. Преодолеть этот тип конфликтов с помощью еще недавно весьма действенных методов идеологической консолидации, таких как национализм и патриотизм, оказывается все более и более сложно, т.к. государства региона все заметнее теряют реальное влияние и способность управлять обществом своих стран цивилизованными средствами.

В этих условиях противоборствующие стороны - власти и оппозиция - стремятся избежать кровопролития и коллапса всей политической системы. Все чаще внутривнутриполитические конфликты приобретают привычные для арабо-исламской политической культуры религиозные формы.

В ряде арабских стран в 2011-2012 гг. исламские политические партии в результате смены или ослабления государственной власти превратились в ведущие политические силы - Движение исламского возрождения (Харакат ан-Нахда аль-Исламия) в Тунисе, ассоциация «Братья-мусуль-

мане» (Аль-Ихван аль-Муслимун) в Египте, Исламское государство (Ад-Дауля аль-Исламия) в части Сирии и Ирака, некоторые другие. Поэтому неудивительно, что вопросами легитимности происшедших событий занялись именно религиозные круги, заинтересованные в том, чтобы общественное мнение их стран воспринимало смену режимов как нечто допустимое и законное, с точки зрения исламской политико-правовой мысли. Возникло даже в некотором смысле курьезное направление исламской правовой доктрины - «Фикх революции», у истоков которого стоит видный египетский исламский проповедник - авторитетный ученый-богослов Юсуф аль-Кардауи¹.

Большинство исламских религиозных экспертов рассматривают массовые протестные выступления в арабских странах 2011-2012 гг. и позже как традицион-

ную, но недозволенную шариатом форму политического действия - *fitnah*. Исламские радикалы считают, что массовые акции должны запрещаться в соответствии с принципом «садд аз-зараи» - заграждение путей, ведущих к тому, что запрещено шариатом.

Влиятельное меньшинство мусульманских экспертов в принципе отрицает наличие в исламе подобных форм протеста в прошлом и рассматривают массовые протестные выступления 2011-2012 гг. и более поздние как заимствованное у светского Запада новшество, что, в принципе, допустимо: заимствовали же мусульмане достижения западного образования, экономики, управления, политики и права.

Другое дело - насколько это допустимо в современных условиях, не нарушает ли это императивных правил шариата.

Отвечая на этот вопрос, сторонники «теории заимсткова-

Публикация подготовлена по результатам проекта «Меньшинство и Большинство в азиатско-африканском ареале: «Этичность» vs «Эффективность» в контексте социокультурного взаимодействия», реализованного в рамках Программы фундаментальных исследований Высшей школы экономики (ВШЭ).

ния» разделяются на две непримиримые группы.

Одна группа исламских правоведов рассматривает это новшество с позиции «презумпции дозволения», т.е. как допустимое с позиции шариата нововведение. Поскольку никаких касающихся массовых выступлений прямых предписаний шариат не содержит, то, как утверждает, например, Юсуф аль-Кардауи, они с некоторыми оговорками в принципе допустимы². Этой позиции придерживаются известный мусульманский теолог-правовед Хаким аль-Мутайри, известный кувейтский ученый Басам аш-Шатты, конечно же, сам Юсуф аль-Кардауи и некоторые другие.

Другая группа исламских правоведов также рассматривает массовые протестные движения как заимствованное у светского Запада новшество, но оценивает его как *бида* - греховное нововведение. Если власть отклоняется от шариата и творит произвол, то единственным средством повлиять на нее является увещание правителя, обращение к нему с советом³.

Эта группа правоведов приходит к выводу о недопустимости массовых протестных выступлений, но не потому, что это - традиционная *fitnah*, а совсем наоборот, потому, что это *бида* - недопустимое новшество. Главный довод сторонников «теории заимствования» состоит в том, что ни во времена Пророка, ни при его ближайших сподвижниках, ни позже практики массовых политических протестных выступлений у мусульман не существовало.

В нижеследующем исследовании термин *fitnah* рассматривается как реально существующая форма массовых протестных действий, хотя и нежелательная для властей (кто же с этим спорит!), но в определенных обстоятельствах - единственно доступная для оппозиции форма самовыражения.

В современной арабо-исламской политической культуре термин *fitnah*, наряду с религиозным

значением, получает новый - нерелигиозный политический смысл, нередко сближающий его с понятием *thaura* (революция) и *jihad* (священная война).

На наш взгляд, интерпретация массовых протестных движений в арабских странах с помощью понятий традиционной арабо-исламской политической культуры облегчает понимание хода событий и мотивацию их участников.

ТЕОРИЯ И МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Термин *fitnah* переводится на русский язык как искушение, соблазн, переманивание, бунт, мятеж, смута, возмущение, беспорядки, буйство, волнения, протест, безрассудство, безумие, раздор, несогласие, заблуждение, провоцирование, бедствие, злоключение, неверие или даже отрицание веры. Столь же разнообразными будут варианты перевода этого понятия и на английский язык - temptation, enticement, mutiny, rebellion, turmoil, riot, revolt, insanity, discord, delusion, testing, afflictions, trials, lack of faith, disbelief. Такое многообразие возможности перевода объяснимо: *fitnah* как понятие - полисемантически, как историческое явление - встречается в самых различных формах.

Актуальность исследования *fitnah* объясняется применением этого термина к разнообразным протестным политическим выступлениям в арабском мире 2011-2014 гг. Как отмечалось выше, в среде исламского религиозного сообщества большинство экспертов склонно рассматривать массовые протестные выступления как сходные, близкие или тождественные по форме традиционной *fitnah*.

Объективные аналитики не ищут правых и виноватых, а стремятся понять экономические⁴, политические (внутренние и внешние)⁵ последствия арабских восстаний, выявляют специфические черты локальных политических процессов⁶. Несколько особняком стоят исследования, кото-

рые анализируют значения и смысл конкретных понятий и категорий политической культуры в арабском мире*. Между тем, в странах Ближнего Востока понятия, если они несут в себе смысл культурных кодов**, оказывают огромное влияние на рядовых участников политических коллизий, дополняя и даже подменяя собой реальность⁷.

Нередко изменение сущности политической культуры начинается именно с пересмотра смысла базовых понятий. Понятие *fitnah*, вступая в «языковую игру» в поле арабского, тем более других языков, способно весьма неоднозначно характеризовать оппозиционное политическое действие. Как традиционное кораническое понятие *fitnah* весьма полно рассмотрено исламскими теологами, например, Мухаммадом ал-Хумайесом⁸ и его интерпретаторами⁹.

Новизна исследования состоит в методе бинарного рассмотрения феномена *fitnah* и как понятия, и как историко-политического явления одновременно, а также в выявлении новых функций *fitnah*, например, как формы массового политического действия в ходе предвыборной политической борьбы.

ФИТНАХ В ИСТОРИИ АРАБОВ

В 2012-2013 гг. в ряде российских и зарубежных изданий появились статьи об арабском понятии *fitnah* как некой обновленной форме политического действия, получившей неожиданно широкое распространение в ряде арабских стран во время и после событий весны 2011 г.^{10,11,12,13,14}. Есть основания говорить, что *fitnah* как явление арабской и

* Речь идет о последователях «символической» или «интерпретативной» антропологии американского ученого Клиффорда Гирца (1926-2006) (прим. авт.).

** О понятии «культурный код» см.: Lawrence E. The Central Liberal Truth: How Politics Can Change a Culture and Save it from Itself. Oxford, New York: Oxford University Press, 2006. 288 p.; Нарочницкая Н.А. Русский код развития. М., Книжный мир. 2013.

шире - исламской политической культуры имеет глубокие не только религиозные, но исторические, политические и социальные корни. Широкое распространение этой формы политического протеста в современных условиях не только в арабском и исламском мире, но и за их пределами, носит, по-видимому, неслучайный характер.

Термин *fitnah* и его производные встречаются в Коране свыше 30 раз и всегда с отрицательной моральной оценкой. В основе смысла этого понятия лежит значение глагольной основы «фа-та-на» - очаровывать, околдовывать, соблазнять. Это накладывает на все слова от этой основы оттенок «неосознанного» и «невольного» поступка, но это не может служить оправданием перед Всевышним. В Коране сказано, что *fitnah* (неверие, искушение, смута) - большой грех, чем даже убийство [Коран, 2:191]. «И сражайтесь с ними, пока не будет больше фитны (неверия, искушения)» [Коран, 2:193]. «Убивайте их, пока не прекратится фитна (неверие, искушение)» [Коран, 8:39]. Из контекста явствует, что речь в Коране идет о форме религиозного инакомыслия - сектантстве.

Весьма вероятно, что *fitnah* как термин и как явление существовала еще до ислама. В Коране о *fitnah* говорится как о явлении крайне нежелательном, но общеизвестном и широко распространенном. В исламский период *fitnah* как форма протеста сохранилась, более того, обрела, если так можно выразиться, «классические формы».

Несмотря на моральное осуждение *fitnah* в Коране, попытки использовать стихийное недовольство в политических целях, придать спонтанному протесту управляемый характер имели место в различные периоды арабско-исламской истории. У ат-Табари (838-923), автора одного из самых авторитетных источников по истории первых веков ислама, термин *fitnah* впервые относится к событиям *ар-ридды* («отступ-

ничества») - восстания аравийских племен, которые в 632-633 гг. выступили против власти халифа Абу-Бекра¹⁵.

В арабской политической лексике термин *fitnah* был широко применен к событиям 656-661 гг., связанным с борьбой за халифскую власть между четвертым праведным халифом Али и претендентом на халифский престол из династии Омейядов, правителем сирийских областей арабского халифата по имени Муавийя ибн Абу Суфьян. Волнения привели к крупному расколу внутри ислама - возникновению сектантского движения хариджитов, а в более далекой перспективе - утверждению правящей династии Омейядов и началу религиозно-политического раскола в исламе на суннитов и шиитов. Эта *fitnah* носила смешанный религиозно-политический характер.

Второй раз этот термин был широко применен к событиям 680-692 гг., которые были вызваны смертью первого халифа из рода Омейядов - Муавийи и прихода к власти его сына Язида (ум. 683 г.). Первая и вторая *fitnah* (именно так они именуются в арабских исторических сочинениях) могут рассматриваться как два этапа одного периода борьбы за политическую власть в молодой арабской империи и носили смешанный религиозно-политический характер.

В дальнейшем термин *fitnah* применялся к событиям 744-750 гг., которые привели к власти в арабско-исламском халифате династию Аббасидов и возникновению т.н. Багдадского халифата. Эти события нередко называют третьей *fitnah*. В качестве четвертой *fitnah* в исторической литературе фигурируют события, связанные с приходом к власти халифа аль-Ма'муна (813-833), победившего своего брата Аль-Амина. Оба они были сыновьями великого Харуна ар-Рашида (766-809). Религиозный исламский фактор во всех четырех первых примерах *fitnah* имел большое значение наряду с фактором политическим, что позволяет характеризовать

эти протестные движения как религиозно-политические.

Позднее арабо-исламские *fitnah* уже не имели общепринятых порядковых номеров, и близкие ей по форме события происходили регулярно, драматично, неоднозначно, и, как правило, с заметными последствиями для истории арабов. Важной особенностью проявления этой формы протестных выступлений в позднее время стало уменьшение или полное отсутствие религиозного фактора.

Так, период своеобразной смуты наступил в халифате Аббасидов после переноса столицы из Багдада во вновь построенный город Самарру. В 861-870 гг. халифы (правители) Багдадской или Аббасидской империи стали фактически заложниками предводителей гвардейцев-рабов (гулямов), которые устраивали волнения и мятежи, политически деморализуя халифов угрозой применения *fitnah*. Религиозный фактор в этих событиях просматривается только в том, что гулямы выступали не только против светского правителя, но и против халифа - главы правоверных, что с исламских позиций делало их поведение абсолютно нелегитимным. Был случай, когда деморализованный халиф Ахмад аль-Муста'ин (862-866), резиденция которого находилась в г. Самарра, бежал от угрозы смуты в Багдад, но был арестован и казнен, а его место занял халиф аль-Му'тазз (866-869), который вскоре сам стал жертвой заговора - был убит мятежными гвардейцами жаждой и голодом¹⁶.

Подобная деморализация власти во время смуты - явление довольно редкое и заслуживает особого изучения. В качестве современного примера приведем бегство из охваченного волнениями «жасминовой революции» Туниса в январе 2011 г. президента Зин аль-Абидин Бен Али, находящегося сегодня безвыездно в Королевстве Саудовская Аравия.

В некоторых случаях *fitnah* настолько утвердилась в качестве допустимой формы выражения нерелигиозного протеста, что

приобрела ритуальное оформление. Например, в османском Египте в XVII в. вошло в практику с помощью угрозы *fitnah* (массового и не всегда мирного протеста) смещать непопулярного губернатора. На место смещенного губернатора ставили временно исполняющее его обязанности лицо по выбору мамлюкской политической элиты, объединенной в руководящий политический совет - *бейликат*.

Первый прецедент такого рода произошел в 1623 г., затем он так часто повторялся, что вошел в традицию и стал сопровождаться определенным ритуалом. Беи, входившие в состав бейликата, принимали решение добиваться у османского султана смещения назначенного им губернатора, но никак этого не афишировали, напротив, давали понять, что они действуют не по личному произволу, а как выразители общественного мнения.

Неугодному губернатору беи направляли посланца в белом плаще и белой шапке верхом на осле с очень опасной миссией: объявить об угрозе начать *fitnah*. Посланец въезжал на территорию резиденции губернатора, входил в зал приемов, загибал край напольного ковра или касался края небольшого ковра, на котором сидел паша, и говорил: «Паша, ты смещен». По другой версии, он уходил молча, т.к. уже одно его появление говорило само за себя. У губернатора оставался выбор: бороться против неминуемого «массового стихийного протестного движения», которое в любой момент могло перерасти в вооруженный мятеж, или сложить с себя полномочия и покинуть страну¹⁷.

Социальное и политическое недовольство в форме *fitnah*, которая переросла в восстание, имело место в Египте в 1882 и 1919 гг.¹⁸ Даже весь известный период политической борьбы, который привел к власти в Египте Мухаммада Али (1803-1805), напоминал «классическую смуту»¹⁹. Автор этих строк был свидетелем мини-смут 1992-1993 гг.,

происходивших в Египте в районе площади Ат-Тахрир в Каире.

Мы полагаем, что *fitnah* присутствовала в арабо-исламской политической культуре в качестве устойчивой формы протестного действия там, где не находилось эффективного механизма разрешения противоречия между большинством и меньшинством. *Fitnah* воспринималась (обычно неосознанно) ее участниками как крайняя, но неизбежная в сложившихся условиях форма выражения своей политической воли. Если власти соглашались рассматривать протестное выступление как *fitnah*, рядовые участники ничем не рисковали; если же власти завышали уровень угрозы, называя происходящее, например, восстанием (*инкиляб*), то жертвы с обеих сторон становились неизбежными.

Наконец, уже в XX в. *fitnah* обрела исключительно политический смысл, став инструментом политической предвыборной борьбы. Один из первых примеров такого рода связан с событиями 1908 г., когда предвыборная агитационная поездка известного религиозно-политического деятеля Рашида Риды (1865-1935) в Дамаск, где он призывал голосовать на выборах за кандидатов младотурецкой партии «Единение и прогресс», спровоцировала многочисленные демонстрации протеста.

Дело едва не дошло до вооруженных столкновений на межпартийной основе. Неблагоприятное развитие событий в последний момент удалось остановить с помощью санкционированного властями вмешательства лояльных младотуркам представителей сирийской религиозной элиты. Именно религиозная элита в лице Джамаль ад-Дина ал-Касими, Абд ар-Раззака ал-Битара и некоторых других богословов выступила в этом случае посредником между населением и властями²⁰.

В данном случае поиск социальной, экономической, тем более, религиозной подоплеки происшедшего едва ли ведет к адек-

ватному пониманию событий, которые вошли в историческую литературу под названием «*fitnah* в месяц рамадан». Именно форма *fitnah* делает понятным поведение властей и оппозиции, тем более, что предмет разногласий вполне демократический и современный: предвыборные интересы политических партий.

Во всех странах, охваченных событиями «арабской весны» 2011 г., *fitnah*, если мы вслед за большинством мусульманских религиозно-правовых экспертов признаем там ее существование, пусть и в некой обновленной форме, носила не религиозный, а политический характер, т.к. была направлена против светских правителей-диктаторов, что, как отмечалось выше, имело прецеденты в истории.

FITNAH И СОБЫТИЯ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Прошлое прорастает в будущее. Уловить эту тенденцию - задача историка. Массовые политические волнения первой половины 2011 г. вызвали сравнительно «мирное» падение режимов авторитарного правления «несменяемых президентов» в Тунисе, Египте, Йемене. Возникшие политические цунами смыли диктатуру Муаммара Каддафи в Ливии, ввергли в гражданскую войну Сирию, прошли волнами нестабильности по политическим ландшафтам Бахрейна, Марокко, Иордании, возбудили Турцию, Ирак, Ливан и многие другие арабские и неарабские страны. Везде, где общество теряло стабильность, возникал неназванный и не всегда осознаваемый участниками образ *fitnah*, который нередко трансформировался в болезненное состояние общества - анархию (*fauda*) с характерным вооруженным произволом с обеих сторон - властей и оппозиции.

По существу, во всех названных странах 2011-2012 гг. события развивались по сходному сценарию. В определенных местах происходят стихийные массовые

скопления протестующих людей различной социальной принадлежности и политических убеждений. Они организуют импровизированные митинги, выдвигают разнообразные политические лозунги, которые, в конце концов, сводятся к одному - свержению существующего политического строя.

Хаос и видимое безвластие едва ли могут обмануть внимательного политического наблюдателя: практически все события с первого дня актов «гражданского неповиновения» и до момента свержения «ненавистного политического лидера» проходят по незримому сценарию, руководимые в той или иной мере опытной рукой политических манипуляторов. Речь в данном случае идет не о конспирологии, а о «внутренних» механизмах управления *fitnah*, когда жертвы, которые несут митингующие, оказываются «горючим материалом», питающим разрастающееся протестное движение, а пятничные богослужения, как правило, выливаются в массовые политические митинги и демонстрации.

И все же, в чем специфика современной *fitnah* по сравнению с предшествующими периодами? Специфика, по нашему мнению, состоит в том, что *fitnah* заняла заметное место в арсенале методов политической борьбы именно в тех странах, где в принципе отсутствует возможность актуально достижимого во времени общественного консенсуса. Мобилизация населения для участия в массовых акциях протеста опирается на стремление граждан к конвенциональному соглашению по поводу целей и смысла проводимой политики.

В политической атмосфере витает надежда, что такое соглашение можно регулярно возобновлять благодаря честным и свободным выборам. Но, увы, это практически невозможно, если власть превратилась в административный процесс, цель которого - подорвать статус гражданина²¹. Участники *fitnah* в сегодняшних обстоятельствах не только ждут

уступок от властей, но, в первую очередь, они требуют включения механизмов критического обсуждения ценностей и своего участия в этом обсуждении, т.е. стремятся продуцировать культуру²².

Так произошло в феврале 2011 г., когда движение Аль-Бафик согласилось на диалог с властями, выдвинув весьма радикальные для Бахрейна требования общедемократического характера²³. В Тунисе миссию продуцирования новой культуры взяли на себя исламисты, представлявшие политическое движение Ан-Нахда²⁴. В Египте сложилась еще более сложная ситуация, когда полюсами культурного обновления стали, с одной стороны, радикальные либералы, группировавшиеся вокруг Мухаммада Мустафы аль-Барадея, а с другой - представители Партии справедливости и свободы, за спиной которых стояли «Братья-мусульмане»²⁵.

Парадоксально, но факт: желание культурного обновления было у участников событий гораздо глубже, чем поверхностное политическое недовольство. По существу, и либералы, и исламисты (два полюса политического лагеря оппозиции в Египте) стремились создать новую демократическую политическую культуру, основанную на «единодушии мегаобщения», полностью вытесненного современной арабской политической культурой с ее «политической властью без ответственности».

В нынешних условиях *fitnah* утрачивает характер локальной формы протеста, но все больше входит в жизнь как универсальный инструмент политического давления на власть там, где отсутствуют (или кажутся бесперспективными) другие формы диалога народа с правителями, «меньшинства» с «большинством», которые, на самом деле, таковыми не являются. В современной информационной среде с Интернетом и мобильной связью *fitnah* как форма выражения тех или иных политических (нерелигиозных) требований, скорее всего,

будет использоваться разными политическими силами.

СМУТА ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?

29 января 2014 г. на страницах ряда саудовских изданий появились публикации о вернувшемся из Сирии на родину подданном Его Величества Сулеймане Ас-Субайи, проникшем на территорию Сирии через Турцию в августе 2013 г. В Сирии он присоединился к движению Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ - *Islamic State of Iraq and the Levant, ISIL* - Даулят аль-Исламия Ирак уаа Шам)²⁶ и около 6 месяцев участвовал в вооруженном сопротивлении режиму Башара Асада. Отмечается, что молодой человек, находясь в рядах ИГИЛ, активно вел свою страничку в Твиттере, в которой описывал боевые будни оппозиционеров. Он также выкладывал там фотографии трупов партизан, убитых в различных районах Сирии.

Его блог получил широкую популярность и собрал более 300 тыс. подписчиков. По сообщению саудовских источников, Ас-Субайи направился на войну после гибели там его брата, не сообщив о своих намерениях даже родителям, которые узнали о решении сына, когда он уже находился на турецко-сирийской границе²⁷.

Причины возвращения Ас-Субайи в Королевство Саудовская Аравия (КСА) и его ухода из ИГИЛ не называются. Вместе с тем, колумнист газеты «Аль-Хайат» Нассер аль-Хакбани полагает, что саудовцы, сражавшиеся в Сирии против режима Асада, начинают пересматривать свою роль в конфликте и возвращаются в КСА.

Журналист *Arab News* Абдулах Али Аль-Барги полагает, что не последнюю роль играют заявления саудовских богословов, призывающих молодежь не вступать ни в какие вооруженные группировки в Сирии, называя эту страну «землей/территорией смуты» - «ард аль-фитна» («the

land of *fitnah*”), т.к. там мусульмане воюют против мусульман²⁸.

В комментариях читателей по поводу этой статьи приводятся мнения тех, кто полагает, что в Сирии не может вестись джихад, поскольку речь идет о войне между мусульманами, а муфтий и имамы, призывающие к Священной войне в Сирии, ведут себя как «агенты иностранных держав». Высказывается и другое мнение, что призыв к Священной войне из уст муфтия не допускает сомнений и колебаний, становясь безусловной обязанностью мусульманина.

Ряд авторитетных лиц, близких к официальным кругам, утверждают, что объявлять джихад - это прерогатива верховного политического руководства, а не религиозных деятелей, мнение которых может быть важным, но не решающим. Ключевым же остается вопрос, может ли призыв к Священной войне быть применен к стране, которая объявлена «территорией смуты».

«Территория смуты» - «ард аль-фитна». Смысл этих слов лишь на первый взгляд кажется поверхностно аллегорическим. На самом деле, речь идет о важном понятии современной арабской политической культуры - *fitnah* как традиционной форме политического действия, перенесенной из прошлого в современную политическую жизнь.

ВЫВОДЫ

1. Для части мусульман понятие *fitnah* остается исключительно кораническим термином, содержащим моральное осуждение соответствующих действий и используемым как аргумент в суннитско-шиитских религиозно-политических дискуссиях.

2. Вне религиозного контекста *fitnah* встречается в истории в форме массовых политических протестных движений, объединяющих как мусульман, так и немусульман, разделяющих требования мусульманского большинства.

3. Понятие *fitnah* не используется участниками политичес-

ких протестных движений как самоназвание; компетентные же наблюдатели, напротив, нередко употребляют этот термин для характеристики массовых политических протестных действий, подчеркивая, тем самым, их официально несанкционированный, при этом - невоенный характер.

4. Проявляя важнейшее свойство «языковой игры» - быть похожим на другие формы протестных выступлений, понятие *fitnah* вступает во взаимодействие с иными ключевыми понятиями, такими как *fauḍa* (анархия), *thawra* (революция), *jihad* (война за веру) и другими, рождая новые смыслы внутри локальных политических культур отдельных стран.

5. В современном арабском мире протестные движения в форме *fitnah* де-факто утрачивают однозначно негативную коннотацию. Легкость, с которой даже в радикальной арабо-исламской политической культуре Саудовской Аравии одному и тому же событию авторитетные эксперты дают одновременно столь принципиально различные определения - *fitnah* и *thawra* (революция), указывает на размывание в традиционной политической культуре смысла этих понятий и невозможности однозначного определения с их помощью конфликтов, содержащих коллизию «меньшинство-большинство».

* * *

«Социокультурная жизнеспособность» арабских стран, пользуясь терминологией М.Томпсона и А.Вильдавского²⁹, из пяти «чистых» типов «образа жизни» (индивидуализм, эгалитаризм, иерархия, фатализм и автономия) до 2011 г. выдвигала на первый план иерархию, фатализм и эгалитаризм (типичное сочетание в арабо-исламском мире)*.

* Согласно этой теории, сочетание этих типов «образа жизни» определяет характер политической культуры. Например, в США доминируют индивидуализм и эгалитаризм, при котором ослабляется иерархия. В Великобритании преобладают иерархия и индивидуализм, что практически исключает эгалитаризм из национальной политической культуры (прим. авт.).

В 2011 г. в ряде арабских стран объединенные действия оппозиционных сил привели к ослаблению институтов власти и присущих им отношений, стал ощущаться дефицит индивидуализма и автономии. С их усилением в общественном сознании связано распространение в арабских странах протестных политических выступлений, напоминающих по форме традиционную *fitnah*. Склонность участвовать в них проявили не только маргинальные городские социальные слои, но и учащаяся молодежь, прежде всего студенчество, которых поддерживала значительная часть либеральной интеллигенции.

Подводя итог, отметим, что изменение политической культуры начинается с изменения её понятийного аппарата. Исламская политическая культура, сталкиваясь с конфликтами, основу которых составляет непримиримость интересов меньшинства и большинства, стоит на пороге серьезных парадигмальных сдвигов, открыта, готова и, более того, ориентирована на них.

¹ Сюкияйнен Л.Р. «Арабская весна» и исламская правовая мысль // Право. Журнал ВШЭ. 2013, № 1, с. 16-37. (Syukiyaynen L.R. 2013. «Arabskaya vesna» i islamskaya pravovaya mysl // Pravo. M.) (in Russian)

² Там же, с. 26-27, 30, 33.

³ Там же, с. 30-33.

⁴ Saif I., Rumman M.A. The economic agenda of the Islamic parties. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace. 2012 - http://carnegieendowment.org/files/islamist_econ.pdf; Sasson J. Economic lessons from Iraq for countries of the Arab Spring. Washington, DC: Woodrow Wilson International Centre for Scholars. 2012 - <http://www.soas.ac.uk/cdpr/publications/dv/file69272.pdf>

⁵ One year of the Arab Spring: Global and Regional Implications. Eds. Guzansky Y., Hel-

ler M.A. Tel Aviv: Institute for National Security Studies. 2012 - [http://www.ins.org.il/uploadimages/Import/\(FILE\)1330948414.pdf](http://www.ins.org.il/uploadimages/Import/(FILE)1330948414.pdf); Dixon M. An Arab Spring // Review of African Political Economy. June 2011. Vol. 38, No. 128, p. 309-316; Steinberg G. Qatar and Arab spring: support for Islamists and anti-Syrian policy. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2012 - http://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2012C07_sbg.pdf; Cornel S.E., Verstandig N. Winners and losers of Arab Awakening. Stockholm: Institute for Security and Development Policy. 2012 - http://www.isdp.eu/images/stories/isdp-main-pdf/2012_cornell-verstandig_arab-awakening.pdf; An Arab springboard for EU foreign policy. Eds. Biscop S., Balfour R., Emerson M. Gent: Academia Press for Egmont-The Royal Institute for International Relations; Brussels: CEPS; European Policy Centre. January, 2012 - http://www.epc.eu/documents/uploads/pub_1409_academia-egmont_papers_54_u1795_16x24_v2.pdf

⁶ Cordesman A.H. Rethinking the Arab "spring": Stability and security in Egypt, Libya, Tunisia, and the rest of the MENA region. Washington, DC: Centre for Strategic and International Studies. 2011 - http://csis.org/files/publication/111102_MENA_Stability_Security.pdf; Flamini R. Turmoil in the Arab World: will democracy emerge from the "Arab Spring" // Global Researcher. Washington, DC: CQ Press. 2011. Vol. 5, No. 9, p. 209-236; Арабский мир после арабской весны. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. / Под ред. А.В.Коротаева, Л.М.Исаева, А.Р.Шишкиной. М., Ленард, 2013. (2013. Arabskiy mir posle arabskoi vesny. Sistemnyi monitoring globalnykh i regionalnykh riskov. M.) (in Russian); Арабский кризис и его международные последствия. / Под ред. А.Д.Саватеева, Л.М.Исаева. М., Ленард, 2014. (2014. Arabskiy krizis i ego mezhduнародные posledstviya. M.) (in Russian); Шишкина А.Р., Исаев Л.М. Арабский мир в цифровую эпоху. Социальные медиа как форма политической активности. М., Ленард 2014. 128 с. (Shishkina A.R., Issaev L.M. 2014. Arabskiy mir v tsifrovuyu epokhu. Sotsialnye media kak forma politicheskoi aktivnosti. M.) (in Russian)

⁷ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., Добросвет, 2000. С. 46-47. (Bodriyar Zh. 2000. Simvolicheskiy obmen i smert. M.) (in Russian)

⁸ The Contemporary Fitan (Afflictions, Trials, Test, Tribulation). Prepared by Saleh As-Saleh// Full text of 'English Islamic eBooks. (Abdurrahman.org/character/TheContemporaryFitan.pdf)

⁹ Исламская правовая мысль выделяет из множества два главных типа *fitnah*: во-первых, *fitnatu-shubuhaat* (фитна на почве сомнений); во-вторых, *fitnatu-shahaawaat* (фитна на почве сильных желаний). Из многочисленных причин, вызывающих *fitnah*, выделяются четыре главных: 1. Слепое следование желанию и порочным страстям (following of desires and corruption of intent); 2. Невежество и отказ от знаний (ignorance and the abandonment of knowledge); 3. Следование тому, что не очевидно (following the mutashaabih-unclear); 4. Следование крайностям или небрежение (exaggeration and negligence). Основными современными формами *fitnah* считаются следующие: 1. Фитна на материальной основе (fitnatul maal (the fitnah of wealth)); 2. Фитна из-за женщин (fitnatu-nissa; the fitnah of women); 3. Фитна из-за страха на основе слабой веры (fitnah of fear of people due to the weakness of faith); 4. Фитна на основе следования неясному (fitnah of following of mutashaabih-unclear); 5. Фитна по причине следования традициям неверных (fitnat-taqleed al-kuffar); 6. Фитна на основе следования шиитской политической доктрине (fitnah of the Raafidhah). Последний тип фитны сунниты рассматривают как угрозу своим политическим интересам в районах традиционного распространения мусульман-суннитов. Далее следуют призывы защищаться от фитны с помощью обращения с молитвой к Аллаху, изучения Корана, с помощью исламского образования, и четвертое, главное, запрещать другим выступать против Ислама и его лидеров (cautioning others not to rebel against the general Muslim body and their leaders). - См.: The Contemporary Fitan (Afflictions, Trials, Test, Tribulation)...

¹⁰ Реценты арабской весны: русская версия. / Под ред. А.М.Васильева, Н.И.Петрова. М., Алгоритм, 2012. Retsepty arabskoi vesny: russkaya versiya. M.) (In Russian)

¹¹ Исаев Л.М., Шишкина А.Р., Шербович А.А. Египетская смута XXI века. М., Либроком. 2012. (Isaev L.M., Shishkina A.R., Shcherbovich A.A. 2012. Egitpetskaya smuta XXI veka. M.) (in Russian)

¹² Зеленов Е.И. Арабская смута. Вверх по лестнице, ведущей в прошлое // Однако. Еженедельный журнал. № 34 (98), 10.10.2011, с. 30-32. (Zelenev E.I. 2011. Arabskaya smuta. Vverkh po lestnitse, vedushchei v proshloe // Odnako. № 34) (in Russian)

¹³ Зеленов Е.И. Смута? Анархия? Революция? Арабская политическая культура на пути ...в будущее // Протестные движения в араб-

ских странах. Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола». М., Либроком. 2012, с. 57-63.

¹⁴ Al-Bargi A. Saudi quits Syria fight, surrenders // Arab News. 29 January, 2014 - http://www.arabnews.com/news/517196?quicktabs_stat2=1

¹⁵ Ат-Табари, Мухаммад ибн Джарир Абу Джаафар. Таарих ал-уммум ва-л-мулук. (История народов и царей). Бейрут. 1407. 5 томов. Т. 2, с. 276.

¹⁶ Bonner M. The waning of empire, 861-945 // The New Cambridge History of Islam. Vol. I. The Formation of the Islamic World Sixth to Eleventh Centuries. Ed. Chase F. Robinson. Cambridge University Press. 2011, p. 305-313; Ас-Сайути, Мухаммад Джалалад-Дин Абд ар-Рахман. Тариху-ль-хулафаа (История халифов). Бейрут. 2003, с. 274-287.

¹⁷ Lusignan S.K. History of the Revolt of Aly Bey against the Ottoman Porte. London, 1783; Marsot A.L. al-S. A History of Egypt. Cambridge UP, 2007.

¹⁸ Голдобин А.М. Египетская революция 1919 года. Ленинград, 1958. (Goldobin A.M. 1958. Egitetskaya revolyutsiya 1919 goda. Leningrad) (in Russian); Зеленов Е.И. Мусульманский Египет. СПб. 2007. (Zelenev E.I. 2007. Musulmankiy Egipt, SPb) (in Russian); Коселев В.С. Египет. Уроки истории. Борьба против колониального господства и контрреволюции (1879-1981). Минск, 1984. (Koshelev V.S. 1984. Egipt. Uroki istorii. Borba protiv kolonialnogo gospodstva i kontrevolyutsii (1879-1981) Minsk) (in Russian)

¹⁹ Подробнее см.: Зеленов Е.И. Мухаммад Али. Борьба за власть в Египте (1801-1805 гг.). СПб, 2002. (Zelenev E.I. 2002. Muhammad Ali. Borba za vlast v Egipte (1801-1805). SPb) (in Russian)

²⁰ Об этих событиях см.: Зеленов Е.И. Османизм и его роль в общественно-политической жизни Сирии. Вторая половина XIX - начало XX в. Л., 1990. (Zelenev E.I. 1990. Osmanism i ego rol v obshchestvenno-politicheskoi zhisni Sirii. Vtoraya polovina XIX - nachalo XX v.) (in Russian)

²¹ Habermas J. Citizenship and National Identity: Some Reflections on the Future of Europe // Theorising Citizenship. Albany, SUNY Press. 1994.

²² Стежнева М.В. Политическая культура в различных интерпретациях: анализ социального понятия // Общественные науки и современность. М., 2002, № 5, с. 141-155. (Stezhneva M.V. 2002. Politicheskaya kultura v razlichnikh interpretatsiyakh: analiz sotsialnogo ponyatiya // Obshchestvennye nauki i sovremennost. M., № 5) (in Russian)

²³ Мелкумян Е.С. Противостояние власти и оппозиции в Бахрейне // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Арабский мир после арабской весны. / Под ред. А.В.Коротаева, Л.М.Исаева, Л.М.Шишкиной. М., Ленанд. 2013, с. 40-63. (Melkumyan E.S. 2013. Protivostoyanie vlasti i oppozitsii v Bakhreine // Sistemnyi monitoring globalnykh i regionalnykh riskov. Arabskiy mir posle arabskoi vesny. M.) (in Russian)

²⁴ Арабский мир после арабской весны // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков... С. 396-397. (2013. Arabskiy mir posle arabskoi vesny...) (in Russian)

²⁵ Там же, с. 74-75.

²⁶ Ад-Дауля аль-Исламия - военно-политическая организация суннитского толка, которая появилась в 2006 г. при поддержке «Аль-Каиды» в результате объединения 11 религиозных организаций под общим руководством иракца Абу Омара аль-Багдади (ликвидирован силами безопасности в результате спецоперации в 2010 г.). До 2014 г. организация носила название «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ). В начале 2014 г. ИГИЛ объявило о создании самопровозглашенного исламского государства, расположенного в геополитическом треугольнике между Сирией, Ираком и Турцией на территории Западной Сирии и Восточного Ирака, подконтрольной ИГИЛ. В настоящее время организация называется Исламское Государство («Ад-Дауля Аль-Исламия») во главе с Абу Бакром аль-Багдади (Абдулла Ибрахим ас-Самарауи), 29 июня 2014 г. провозглашен халифом Исламского Государства.

²⁷ Al-Bargi A. Saudi quits Syria fight, surrenders // Arab News. 29 January, 2014 - http://www.arabnews.com/news/517196?quicktabs_stat2=1

²⁸ Ibidem.

²⁹ Thompson M., Ellias R., Wildavsky A. Cultural Theory. Doulder, Colorado, Westview. 1990.